

Ю. Веселовский

Очерки армянской литературы и жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ю11

Ю. Веселовский
Ю11 Очерки армянской литературы и жизни / Ю. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 136 с.

ISBN 978-5-458-15288-4

Сброник статей Юрия Веселовского об армянской литературе и жизни, собранные вместе, а ранее напечатанные в изданиях "новости", "Петербургская жизнь", "Бакинские известия", "Донская Речь" и пр. на протяжении 1900-1905 годов.

ISBN 978-5-458-15288-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Армянская литература и русская публика.

Мнѣ живо вспоминается то время,—оно кажется теперь такимъ отдаленнымъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло всего 10—15 лѣтъ,—когда сдѣланы были первыя серьезныя попытки познакомить русскую читающую публику съ армянскою литературою, а черезъ ея посредство—съ армянскою жизнью. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!.. Прежде чѣмъ говорить объ армянской литературѣ, ея задачахъ и главныхъ представителяхъ, необходимо было—странно сказать!—почти что доказывать, что существуетъ вообще подобная литература.

Для многихъ это было настоящимъ откровеніемъ. Даже люди болѣе образованные, имѣвшіе смутное представленіе о томъ, что у армянъ была когда-то богатая древняя письменность, вспоминая даже при случаѣ имя Моисея Хоренскаго, впервые узнавали въ 90-хъ годахъ минувшаго вѣка о существованіи *новой* армянской литературы, съ ея особыми запросами, идеалами, культурною программою.

Я помню, какъ одна интеллигентная дама, услышавъ, какъ при ней говорили объ армянахъ, объ армянскомъ студенчествѣ, пресерьезно спросила:

—„Скажите, что же у нихъ, у этихъ армянъ, *и языкъ свой есть?*“.

Комментаріи излишни,—не правда ли?..

Тѣ лица, которыя, вопреки всему, хотѣли тогда знакомить русскаго читателя съ армянскою литературою и жизнью, должны были выносить немало разныхъ мытарствъ, долго и настойчиво добиваться того, къ чему они стремились, бороться съ равнодушіемъ и отсутствіемъ интереса,—съ трудомъ отвоевывать доступъ въ тѣ или другія періодическія изданія для статей по армянской литературѣ или переводовъ съ армянскаго... Во многихъ редакціяхъ подобныя статьи или переводы встрѣ-

чали самый холодный, индифферентный прием, и лицо, их приносившее, рисковало услышать, отзывавшийся слишком прозрачным неудовольствием, возгласъ: „*Опять объ армянахъ? Какъ вы съ ними носитесь!*“

Если иные опыты популяризаціи армянской литературы удостоивались, въ концѣ концовъ, напечатанія, то все же это приходилось брать съ боя, иногда дожидаясь по нѣсколько мѣсяцевъ очереди, — тогда какъ статьи по другимъ вопросамъ появлялись безъ всякаго промедленія, — или съ изумленіемъ выслушивая отъ руководителя того или другого органа, напр. такое *предложеніе* равносильное требованію: „*Не согласитесь ли вы исключить изъ вашего очерка строкъ 500, — вѣдь это даже въ вашихъ интересахъ, гораздо сильнѣе будетъ впечатлѣніе!*“.. И вотъ авторъ статьи долженъ былъ или уродовать свою работу, или отказываться отъ возможности лишній разъ замолвить слово за армянскую литературу и за тотъ народъ, который ее создалъ...

Такъ обстояло дѣло въ такихъ органахъ, которые въ другихъ отношеніяхъ считались очень передовыми, отзывчивыми, широко смотрящими на вещи, — до извѣстной степени, быть можетъ, даже заслуживали подобной репутаціи. Что же сказать объ органахъ противоположнаго направленія, какъ будто поставившихъ себѣ задачею — ссорить между собою мирно уживавшіеся, не имѣвшие особыхъ поводовъ къ столкновеніямъ народы и племена, искусственно вызывавшихъ рознь и взаимное недовѣріе, видѣвшихъ въ терпимости и безпристрастіи только слабость, малодушіе, чуть ли не измѣну своему народу?.. Въ этихъ органахъ гораздо больше и чаще писали, если не объ армянской литературѣ, то о самихъ армянахъ, но уже въ совершенно особомъ, специфическомъ духѣ...

Положеніе дѣлъ было, по-истинѣ, плачевное: съ одной стороны полный индифферентизмъ, безпричинное игнорированіе, отсутствіе интереса ко всему, что происходитъ на окраинахъ, съ другой — огульные обвиненія, инсинуаціи, пристрастныя оцѣнки, на которыя положительно *негдѣ* было отвѣчать, даже если-бы этому не мѣшали нѣкоторыя другія обстоятельства!

А въ самомъ обществѣ, среди „большой публики“, — сколько было предвзятаго, узкаго, несправедливаго и нетерпимаго по отношенію къ армянамъ!.. Попытки установить правильную

точку зрѣнія, раскрыть современное положеніе армянъ, ихъ историческое прошлое, выяснитъ истинныя причины возникновенія тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ національнаго характера, въ томъ числѣ и отрицательныхъ, разбивались объ упорное нежеланіе многихъ людей, иногда—отнюдь не злыхъ и не жестокихъ по натурѣ, разобратъся во всѣхъ этихъ вопросахъ, вѣснить доводы *за* и *противъ*, пересмотрѣть заново старые приговоры и оцѣнки, вызванные предразсудками и прочно укоренившимся предубѣжденіемъ... Вы имъ говорили о Раффи, Патканьянѣ, Айвазовскомъ, Назарьянцѣ, Лорисъ-Меликовѣ, Адамьянѣ,—они вамъ отвѣчали шуточками, попытками изломать свою рѣчь „на армянскій манеръ“, глупыми и отнюдь не смѣшными анекдотами или рассказами про какого-нибудь единичнаго армянина, котораго, быть можетъ, даже не они сами имѣли случай узнать ближе, а развѣ только какіе-нибудь ихъ знакомые или родные, и который оказался плутомъ или мошенникомъ...

Можно ли было столкнуться при такихъ условіяхъ? Съ одной стороны: „культурное возрожденіе армянъ, возникновеніе національной литературы... критическое отношеніе молодого поколѣнія къ недостаткамъ своего народа... здоровые задатки у населенія армянскихъ деревень... идеалы и мечты армянскихъ поэтовъ“, съ другой: „армяшки“, „восточные человѣки“, „армэнынъ съ балшимъ носомъ“, „дюша мой ходи на мою лавку“, и пр., и пр.

И потомъ, это слово „армяшки“, которое подобно слову „жиды“, казалось бы, должно быть вычеркнуто изъ лексикона образованнаго, культурнаго человѣка!.. Какъ обидно и прискорбно было слышать его изъ устъ людей, которые безусловно „вѣдали, что творили“, къ которымъ можно было предъявлять самыя строгія требованія!

Повидимому, это—мелочь; то или другое обозначеніе для извѣстнаго народа не предполагаетъ непременно враждебнаго, непримиримаго къ нему отношенія, желанія ему вредить или преслѣдовать его; но можетъ ли быть рѣчь объ истинномъ благородствѣ и джентльмэнствѣ въ международныхъ отношеніяхъ, пока уничижительныя клички считаются вполне умѣстными названіями для цѣлыхъ народовъ, произносятся вполне спокойно, во всеуслышаніе, какъ нѣчто находящееся въ порядкѣ вещей, а въ иныхъ случаяхъ проникаютъ на страницы

органовъ печати?..

При такихъ именно условіяхъ (я оставляю въ сторонѣ весьма существенный вопросъ о независящихъ обстоятельствахъ) приходилось дѣйствовать тѣмъ, кто хотѣлъ въ ту пору бороться съ злостною армянофобіей или съ равнодушнымъ игнорированіемъ всего, что касается армянъ, ихъ нуждъ, запросовъ, культурныхъ стремленій, историческихъ задачъ, экономического положенія.

Но и въ ту пору, несмотря на всѣ тѣ неутѣшительныя явленія, о которыхъ рѣчь шла выше, въ душѣ людей убѣжденных не умирала надежда на то, что, рано или поздно, старый предрасудокъ будетъ поколебленъ и, узнавъ, черезъ посредство литературы, подлинныхъ армянъ, съ ихъ свѣтлыми и тѣневыми сторонами, русская интеллигентная публика перемѣнитъ свой взглядъ на нихъ, пойдетъ навстрѣчу симпатичнымъ культурнымъ стремленіямъ лучшихъ представителей армянскаго народа, заинтересуется сельскимъ его элементомъ, протянетъ руку его поэтамъ, романистамъ, педагогамъ, общественнымъ дѣятелямъ...

Мнѣ сейчасъ вспомнились слѣдующія строки, написанныя въ 1894 году,—строки, которыя я позволю себѣ привести здѣсь, въ надеждѣ, что читатели не посѣтуютъ на меня за это, такъ какъ теперь, черезъ 10 лѣтъ, онѣ могутъ дать извѣстное понятіе о томъ, какія мысли и ожиданія одушевляли въ ту пору всѣхъ искреннихъ друзей армянъ.

Мы будемъ считать нашу цѣль достигнутою, если намъ удастся поколебать все еще сохранившееся въ русскомъ обществѣ предубѣжденіе противъ армянъ, которымъ приписываются одни только отрицательныя свойства, къ которымъ часто относятся безъ должнаго уваженія. Несимпатичныя явленія и общественные недостатки можно найти у каждаго народа и во всѣ вѣка; есть они, несомнѣнно, и у армянъ; и, кажется, послѣ бытовыхъ комедій Сундукіанца, ѣдкихъ сатиръ Патканьяна, саркастическихъ строкъ Шахъ-Азиза, благородныхъ обличеній Раффи, заразительнаго смѣха Пароньяна—нельзя сказать, чтобъ армяне сами не сознавали темныхъ и отрицательныхъ сторонъ своей жизни и не умѣли негодовать при видѣ ихъ... Но, какіе бы недостатки мы ни находили у отдѣльныхъ представителей или даже у отдѣльныхъ слоевъ армянскаго общества—разъ рѣчь заходитъ обо всемъ народѣ, какъ цѣломъ,

здѣсь, какъ и во всѣхъ международныхъ отношеніяхъ вообще, должно выступить на сцену взаимное *уваженіе* націй. Это уваженіе, — всегда обязательное, — будетъ въ данномъ случаѣ имѣть и логичное основаніе: думается, что уже достаточно указано было и на задатки, которые таятся въ армянскомъ сельскомъ населеніи, и на заслуги интеллигенціи, было отмѣчено также, какое поучительное историческое явленіе представляетъ собою это небольшое племя, въ теченіе столькихъ вѣковъ бывшее какъ бы культурнымъ оазисомъ среди темнаго азіатскаго міра. Постепенно сглаживаются всѣ національныя предубѣжденія, и для всѣхъ народовъ наступаетъ время справедливой, безпристрастной оцѣнки... Если намъ удалось хоть нѣсколько приблизить это время для армянскаго народа, мы будемъ считать, что поработали не даромъ!

Многое измѣнилось къ лучшему за эти 10 лѣтъ — по части отношенія русскаго общества къ армянамъ... Ознакомленіе читающей публики съ отдѣльными произведеніями армянской словесности пошло быстрыми шагами. Круглое невѣжество въ этой области стало теперь гораздо болѣе непростительнымъ, чѣмъ раньше... Въ распоряженіи русскаго читателя находится теперь довольно внушительное количество образцовъ армянской поэзіи и прозы, переведенныхъ по-русски. Достаточно сказать, что въ русскомъ переводѣ имѣется болѣе полутораста армянскихъ стихотвореній (Патканьяна, Шахъ-Азиза, Ованнисьяна, Леренца, Цатурьяна, Беникташяна, Туріана и мн. др.), нѣсколько десятковъ рассказовъ или отрывковъ изъ романовъ; появилось и довольно много статей, посвященныхъ отдѣльнымъ армянскимъ писателямъ или извѣстнымъ теченіямъ въ современной армянской литературѣ. Всѣ эти переводы и статьи печатались не только въ закавказскихъ или южно-русскихъ изданіяхъ, но и во многихъ столичныхъ; назову „Вѣстникъ Европы“, „Рус. Мысль“, „Рус. Вѣдомости“, „Артистъ“, „Вѣстн. Самообразованія“, „Петерб. Жизнь“, „Петерб. Вѣдомости“, „Вѣстникъ Знанія“, нѣкоторые сборники.

Когда вышелъ въ свѣтъ выдержавшій два изданія объемистый сборникъ покойнаго Гр. А. Джаншиева „Братская помощь армянамъ“, русская публика получила въ свое распоряженіе что-то въ родѣ армянской энциклопедіи, въ составъ которой входили, между прочимъ, статьи по армянской литературѣ, народной поэзіи, исторіи и т. д. Извѣстныя событія

въ Турецкой Арменіи, оглашенныя въ газетахъ, заставили довольно широкій кругъ читателей обратить вниманіе на участь христіанскаго населенія въ этой странѣ.

Во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ можно было наблюдать признаки нѣкотораго поворота въ отношеніи къ армянамъ, по крайней мѣрѣ—интеллигентныхъ круговъ нашего общества. Какъ сейчасъ, помню, напр., тотъ необыкновенно сочувственный пріемъ, какой встрѣтили со стороны многолюднаго собранія, состоявшаго изъ представителей литературы, науки, искусства, два привѣтствія отъ армянъ, которыя я былъ уполномоченъ прочесть на юбилей редактора-издателя газеты „Новости“ (1900 г.)... Чувствовалось, что собравшіеся хотѣли выразить свою симпатію не только лицамъ, подписавшимъ эти привѣтственные адреса, но и тому народу, чьи интересы не разъ отстаивались въ „Новостяхъ“

Все это, конечно, очень утѣшительные факты, которые могутъ только искренно радовать тѣхъ, кто за эти годы призывалъ къ безпристрастію и справедливости. Но не слѣдуетъ думать, чтобы все было уже сдѣлано, чтобы прежнее отношеніе безповоротно отошло въ область преданія, и въ новыхъ работахъ, въ новыхъ попыткахъ знакомить съ „настоящими армянами“ не было болѣе нужды...

Развѣ намъ не приходится и теперь наталкиваться, на ряду съ отдѣльными примѣрами болѣе терпимаго, гуманнаго и просвѣщеннаго отношенія къ армянскому народу и его литературѣ, на рѣзкія проявленія прежняго недовѣрія или на отголоски пресловутыхъ армянскихъ анекдотовъ?.. Развѣ во всѣхъ органахъ печати, даже считающихъ себя очень либеральными, статьи по армянской литературѣ находятъ вполне радушный, сочувственный пріемъ? Развѣ прекращаются въ изданіяхъ противоположнаго оттѣнка злобныя нападки и обвиненія, направленныя противъ цѣлаго народа?..

А разъ это такъ—можно ли теперь сложить руки, предаться оптимистическимъ мыслямъ, рѣшить, что отъ прежней армянофобіи осталось одно воспоминаніе, вмѣсто того, чтобы работать съ неослабѣвающей энергіей на пользу культурнаго общенія и взаимнаго пониманія двухъ народовъ?..

Нѣкоторые мотивы современной армянской поэзіи.

I.

Выяснить главные мотивы современной армянской поэзіи, подвести извѣстные итоги, формулировать тѣ мысли, взгляды, пожеланія, которыя отразились въ творествѣ отдѣльныхъ поэтовъ, вотъ задача, которая до сихъ поръ не была еще выполнена, несмотря на то, что существовали критическіе этюды, посвященные новѣйшему періоду армянской поэзіи, въ лицѣ его главныхъ представителей! Между тѣмъ, для подобной работы уже настала пора, хотя-бы потому, что со времени выступления на литературномъ поприщѣ первыхъ поэтовъ новой плеяды прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, и слѣдовательно, извѣстная объективность уже стала возможною... Просматривая сочиненія отдѣльныхъ поэтовъ, мы очень часто можемъ у нихъ отмѣтить сходные мотивы и темы, иногда даже выраженные въ почти однородной формѣ. Если подобное совпаденіе мотивовъ мы встрѣтимъ только у двухъ поэтовъ, это имѣетъ, сравнительно, меньше значенія, но, когда тотъ или другой мотивъ повторяется у четырехъ-пяти авторовъ, это, естественно, наводитъ на размышленія...

Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, кто у кого заимствовалъ, кто кому подражалъ; тщательное изслѣдованіе этого вопроса было-бы довольно празднымъ и непроизводительнымъ занятіемъ... Очень часто никто изъ поэтовъ не подражалъ своему собрату по перу; въ иныхъ случаяхъ всѣ вмѣстѣ подражали какому-нибудь русскому или западно-европейскому автору, или развивали на новый ладъ мотивы, уже намѣченные армянскими поэтами старшаго поколѣнія; наконецъ, бывали и такіе случаи, когда ни о какомъ заимствованіи не могло быть и рѣчи, и различные поэты новаго періода просто выражали, каждый по собственной инициативѣ, мысли, сомнѣнія, надежды, такъ сказать, посившіяся въ воздухъ, всѣмъ близкія и понятныя.

Формулировать всё, без исключения, мотивы новой армянской поэзии, конечно, совершенно невозможно в рамках такой статьи, какъ эта—да я и не имѣю этого въ виду! Мнѣ хотѣлось бы только взять нѣсколько примѣровъ, заимствовавъ ихъ наудачу изъ сочиненій различныхъ поэтовъ (Ованнисяна, Туманьяна, Цатуряна, Леренца, Мануэляна), сдѣлать извѣстные сопоставленія, подвести итоги въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Пусть это будетъ только начало работы, первый опытъ, только извѣстный отдѣлъ критическаго изслѣдованія всей новой армянской поэзии, со всеми ея мотивами: если эта статья вызоветъ появленіе другихъ этюдовъ объ идейномъ содержаніи и художественныхъ достоинствахъ армянской поэзии, я буду считать свою цѣль достигнутою!

У нѣкоторыхъ изъ современныхъ армянскихъ поэтовъ попадаются стихотворенія, прославляющія благороднаго дѣятеля—альтруиста, который всёми жертвуетъ для блага своихъ ближнихъ, безкорыстно трудится на пользу людей, иногда умираетъ, какъ солдатъ на своемъ посту, продолжая до послѣдняго издыханія работать и проповѣдывать добро. „Когда онъ только что вступилъ въ мѣръ, читаемъ мы въ одномъ стихотвореніи Ованнисяна, онъ, дитя горькаго труда и бѣдности, унаслѣдовалъ завѣтъ—любить и дѣйствовать, а на челѣ его запечатлѣлось знаменіе тяжелаго креста... Чуждый сомнѣній, съ вѣрою въ души, онъ проповѣдывалъ сладость своего креста, и своимъ желѣзнымъ словомъ, точно бичемъ, изгонялъ корыстолюбіе и угнетеніе“. Поэтъ говоритъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія встрѣтилъ на своемъ пути этотъ глашатай правды и гуманности—со стороны людей, преклоняющихся только передъ силою, полныхъ жестокости и эгоизма. „Вѣрный до конца своему призванію, читаемъ мы въ послѣдней строфѣ, онъ умеръ, какъ непорочный мученикъ за святую правду. Но безсмертное знаменіе любви запечатлѣлось послѣ этого въ сердцахъ многихъ людей,—вмѣсто одного человѣка...“

Леренцъ, въ стихотвореніи „Ихъ судьба“ говоритъ объ участи двухъ энтузіастовъ, связанныхъ узамъ взаимной любви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одушевленныхъ одинаковымъ желаніемъ трудиться на пользу старающихся братьевъ, ждущихъ поддержки и утѣшенія. Они умираютъ, подавленные и удроченные жизнью, въ ту пору, когда они еще много могли сдѣлать для своихъ ближнихъ; но ихъ „тяжкая доля и подвигъ святой

неразрывно донынѣ въ народѣ живутъ“. Если мы обратимся къ сочиненіямъ Цатуріана, мы найдемъ у него стихотвореніе „Эпитафія“, опять возвеличивающее какого-то безкорыстнаго дѣятеля, идеалиста и филантропа: „Онъ не завидовалъ прославленному имени вельможи, не нуждался въ ослѣпительной славѣ гордаго богача; онъ не желалъ могучей побѣды, лавроваго вѣнка, не мечталъ о похвалѣ, о статуяхъ и колоннахъ... Развѣять горькую скорбь съ истомленнаго чела несчастнаго человѣка, сдѣлаться защитникомъ правъ своего безвиннаго, подавленнаго брата,—вотъ что было предметомъ его пламенныхъ желаній, цѣлью его духа; пожертвовавъ собою ради своего неизмѣннаго обѣта, онъ сошелъ въ могилу“...

Съ легкой руки Патканьяна и отчасти Шахъ-Азиза, въ Армянской поэзіи сдѣлалось очень популярнымъ изображеніе скитаній поэта по тѣмъ или другимъ мѣстностямъ, связаннымъ съ историческими воспоминаніями, полнымъ развалинъ и обломковъ прошлаго. Классическимъ образцомъ такого рода произведеній являются знаменитыя „Слезы Аракса“ Рафаэла Патканьяна,—поразительно сильная вещь, которая и теперь, черезъ 50 лѣтъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе и свидѣтельствуемъ о недюжинномъ дарованіи, обнаруженномъ поэтомъ еще въ раннюю пору его литературной дѣятельности. По стопамъ Патканьяна пошли многіе его подражатели и послѣдователи, подобно ему описывавшіе свои одинокія скитанія по историческимъ, достопамятнымъ мѣстностямъ, воспоминанія о прошломъ, думы о героизмѣ предковъ, сѣтованія, вызываемыя несовершенствомъ настоящаго. Иногда о самыхъ скитаніяхъ не упоминается, но авторъ все же заставляетъ какую-нибудь старую рѣку предаваться грусти, обращаться къ людямъ со словами укоризны или увѣщанія. У Патканьяна это дѣлалъ древній Араксъ,—у Ованнисяна, въ стихотвореніи „Тгмутъ“, такую же роль играетъ рѣка, пересѣкающая Аварайрское поле, на которомъ въ 451 году армяне геройски сражались съ персами за христіанскую вѣру и свою родину. Поэту представляется, что ночью порой, когда все погружается въ сонъ, Тгмутъ стонетъ, вздыхаетъ, покрывается пѣною, воспоминаетъ о прошедшихъ вѣкахъ, о порѣ славнаго Варлана и его сподвижниковъ, ничетъ отвзвукъ своимъ думамъ и порывамъ, и, не находя его, предается мрачной скорби.

У Леренца есть стихотвореніе „Ночное видѣніе“ (къ

празднику Вардана), въ которомъ разсказывается, какъ „едва только ночь свое темное покрывало раскинетъ, и небо скроется въ темныхъ облакахъ“, на Аварайрскомъ долѣ появляется тѣнь Вардана Мамиконьяна, покидающаго свою могилу, чтобы обратиться къ новому поколѣнію съ такими рѣчами, которыя нѣсколько напоминаютъ сѣтованія Тгмута — въ стихотвореніи Ованнисяна. „Но безмолвны люди, нѣтъ отзвука, читаемъ мы въ одной изъ послѣднихъ строфъ; только вѣтеръ одинъ груститъ, громъ гремитъ безостановочно, и наверху темное небо слушаетъ героя и вмѣстѣ съ нимъ плачетъ, скоробитъ“. Подобно этому, Мануэльянъ, въ стихотвореніи „Развалины Ани“ описываетъ свои мысли и ощущенія надъ величественными обломками прошлаго, передаетъ и грустныя думы рѣки Ахурьяна (Арпачая)...

II.

Однимъ изъ весьма популярныхъ, любимыхъ мотивовъ современной армянской поэзіи является и обращеніе къ вдохновенному поэту-пророку и бойцу, который своими могучими, полными воодушевленія, способными „жечь сердца людей“ пѣснями, можетъ пробудить въ обществѣ бодрость и энергію, внушить человѣку вѣру въ себя и стремленіе къ лучшему будущему, напомнить ему высокіе идеалы братской любви, гуманности, безкорыстія, слишкомъ чисто забывающіеся въ сутолокѣ повседневной жизни, въ мірѣ беззастѣнчиваго эгоизма и жестокости. Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, сказалось лишній разъ влияніе Надсона, поэзіи котораго вообще очень многимъ обязаны армянскіе поэты. Вспомните, какъ у Надсона, по мѣрѣ приближенія къ смерти, все чаще отражалась надежда на то, что мощный пророкъ-вдохновитель скажетъ человечеству новое слово, вооружится противъ малодушія и сна, подкрѣтитъ своимъ воодушевленіемъ тѣхъ, кто страдаетъ и томится... „Пускай иной пророкъ, пророкъ, быть можетъ, лживый, но только вѣрающій,—намъ пѣснями гремитъ“. „Гдѣ-жъ ты, вождь и пророкъ?.. О, приди и стряхни эту тяжесть удущья и сна!“ „Пора! явись, пророкъ! Всей силою печали, всей силою любви взываю я къ тебѣ! Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали, какъ мы безпомощны въ мучительной борьбѣ“!...